

УДК 171:172.4

И. А. ДОННИКОВА^{1*}

^{1*}Национальный университет "Одесская морская академия" (Одесса, Украина), эл. почта donnikova_iran@ukr.net, ORCID 0000-0002-8504-1578

ПРАВСТВЕННЫЙ ПОИСК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Цель работы – выявление и обоснование нравственных приоритетов в мультикультурной коммуникации. **Теоретический базис** составляют работы зарубежных и украинских авторов, раскрывающие основные подходы к проблеме мультикультурализма; исследования по этике и философской антропологии, определяющие проблемное поле антропологии морали. В работе используются: концептуальные положения феноменологии – для раскрытия смысловой неопределенности человеческого бытия как предпосылки нравственного поиска; экзистенциальной философии – для обоснования сущностной связи человека и культуры. **Научная новизна** полученных результатов состоит 1) в осмыслении мультикультурализма как "диалога людей" (В. Межуев), в котором актуализируется нравственный поиск каждого человека; 2) в обосновании востребованности в межличностной коммуникации "негативной" этики (А. Гусейнов): ее требование не совершать аморальных поступков стимулирует человека к нравственному поиску, выявляет специфику существования "человека навигатора" (С. Смирнов); 3) в определении межкультурной коммуникации как создания возможностей для поиска толерантных (неконфликтных) форм существования. **Выводы:** 1) мультикультурализм является противоречивым явлением, продуцирующим конфликты и создающим предпосылки для их преодоления; 2) возможности неконфликтного существования в ситуации мультикультурализма возникают в межличностной коммуникации, которая представляет собой ситуацию нравственного поиска каждого человека; 3) "этика возможностей" объединяет универсальные и ситуативные нравственные нормы в мультикультурной коммуникации: люди дают возможность друг другу оставаться людьми; 4) "этика возможностей" создает условия для толерантного (неконфликтного) взаимодействия людей и культур.

Ключевые слова: мультикультурализм; нравственность; диалог; нравственный поиск; "негативная этика"; "этика возможностей"; толерантность

Введение

В современном мире разворачиваются противоположные и в тоже время связанные процессы – глобализация и мультикультурализм. Глобализация, объединяя страны и регионы в единое цивилизационное пространство, активизирует межкультурные взаимодействия, но при этом вызывает стремление людей и народов сохранить национальную и культурную идентичность. Активизировавшиеся в середине XX века миграционные процессы потребовали выявления и изучения факторов, с одной стороны, поддерживающих культурное разнообразие, с другой – не разрушающих целостность многонациональных государств. На фоне усиливающихся противостояний мультикультурализм становится вызовом для современного общества, востребуя принципиально новые формы межкультурной коммуникации.

Несмотря на то, что работы по мультикультурализму довольно многочисленны, нравственный аспект проблемы мультикультурной коммуникации остается наименее разработанным. Дискуссии разворачиваются преимущественно в двух тематических плоскостях – глобализации и либерализации. Собственно, эти процессы и породили такое явление, как мультикультурализм, в котором в концентрированном виде нашли выражение особенности западной культуры. Ценность индивидуальной свободы стала основанием для защиты свободы культурного выбора и толерантного к нему отношения. Эти идеи, в частности, отстаи-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

вали либеральные философы XX века И. Берлин, Дж. Ролз, Р. Рорти. Проект в защиту справедливости и солидарности представлен в "этике дискурса К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса.

Стремительный рост интереса к проблеме мультикультурализма наблюдается в 90-е годы XX века. Разворачивается дискуссия между его сторонниками (У. Кимлика, Ч. Кука-тас, А. Янг, Б. Парех, Ч. Тейлор) и критиками (Г. Вилдерс, Дж. Грей, С. Жижек, Б. Барри, С. Хантингтон, К. Хюбнер), приверженцами "жестких" и "мягких" его форм. Возникают различные трактовки мультикультурализма, что дало повод американскому историку Р. Бернштейну заметить: "Мультикультурализм" определено – понятие неопределенное" (Bernstein, 1994, p. 4).

В анализе мультикультурализма внимание акцентируется на следующих аспектах: демографических (констатирующих внутреннее разнообразие общества), политических (отражающих политическое регулирование и реагирование на этническое разнообразие), идеологическо-нормативных (на основе которых создаются модели политической активности), социально-трансформативных (направленных на искоренение различных проявлений нетерпимости), исторических (изучающих культурное разнообразие и отношения между культурами) и др. (Vysotska, 2009, p. 11). При этом мультикультурализм рассматривается преимущественно как взаимодействие "коллективных субъектов" – национальных, этнических групп, проживающих в границах одного государства и испытывающих трудности с культурной коммуникацией. Такие факторы коллективного существования, как религиозность, иммиграция, глобализация и индивидуализм становятся показателями упадка традиционного морального консенсуса (Nediukha, & Zharkov, 2015, p. 5). Вследствие этого в философском дискурсе речь идет преимущественно о "политике мультикультурализма", которая, по замечанию Ю. Хабермаса, должна обеспечить "...равноправное существование различных форм культурной жизни" (Habermas, 2001, p. 417). Эта установка выражает ставшую классической идею мультикультурализма – "интеграция без ассимиляции".

В современных исследованиях акценты заметно смещаются в защиту свободного выбора человека, осмысление мультикультурной коммуникации как практики толерантности, основанной на нравственности (С. Бенхабиб, Б. Парех, Ч. Тейлор, Ч. Кука-тас). Это происходит на фоне роста культурного разнообразия и неэффективности "политики мультикультурализма", которая, вопреки оптимистическим прогнозам, привела к разрастанию конфликтов в ряде европейских стран в первые десятилетия XXI века. Объединяет эти исследования попытка найти "срединный путь" между культурой и политикой, обычаем и правом.

Отрицание единого культурного стандарта, снятие центрического вектора развития ставит под сомнение возможность неконфликтного, неантагонистического существования народов и государств. В связи с этим возникает необходимость исследовать индивидуальные мультикультурные практики, которые становятся нравственным поиском.

Цель

Выявление и обоснование нравственных приоритетов в мультикультурной коммуникации является целью статьи. Нами будут рассмотрены возможности объединения нравственного универсализма и релятивизма в диалоге культур. Эти размышления потребуют обращения не столько к коллективным субъектам, сколько к индивидам, которые в непосредственных, личностных контактах осуществляют поиск способов и форм неконфликтного сосуществования.

Изложение основного материала

Мультикультурализм означает сохранение культурной идентичности, полифонии субкультур в многонациональном государстве. речь, как правило, идет не столько о сохранении этнического разнообразия, сколько разнообразия образов и стилей жизни, ценностей, традиций и т.д. путем свободного выбора человеком культурных образцов. Однако каждый человек "укоренен" в своей национальной культуре, придерживается ее традиций, которые часто имеют архетипическую основу и предполагают сохранение этнического своеобразия. Игнорирование этого оборачивается неудачей сугубо политически-правовыми средствами решить проблему мультикультурного существования. Подобная политика не только малопродуктивна, но часто и провокационна, поскольку продуцирует новые конфликты. Это дает основания критикам мультикультурализма высказывать мысль о том, что понятия культуры и мультикультурализма малопродуктивны для понимания групповых требований самоидентичности, для размышлений по поводу справедливости и разнообразия (MacLure, 2015, p. 145). Российская исследовательница М. Глостанова подчеркивает, что понятие мультикультурализма представляет альтернативу логоцентричности, обосновывая плюралистичную культурную пирамиду и предлагая "идеальное" и часто утопическое видение в соответствии или в противоположность понятиям "общество", "культура разнообразия" (Glostanova, 2003, p. 238).

Между тем, по мнению американской исследовательницы С. Бенхабиб, главная задача культуры – формирование ориентиров, позволяющих человеку самоопределиваться и идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Культура – это результат осмысления, репрезентации и интерпретации действительности. Именно поэтому все культуры сходны по структуре, способам построения, имеют моральные и оценочные составляющие и неконфликтны по своей сущности.

По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, и поэтому в изучении человеческой культуры и общества действует принцип: все понять – значит все простить. (Benhabib, 2003, p. 40)

Вместе с тем, исследовательница подчеркивает, что именно ценности определяют формирование культур через противопоставления, противостояния друг другу. Следует также учитывать, что культуры являются знаком социальной дифференциации и "неизбежно политичны" (Benhabib, 2003, p. 143). Институализация и политизация угрожают культурной уникальности и плюрализму, поскольку принудительно причисляют человека к определенной социальной группе, лишая его свободного выбора. Тем не менее, считает С. Бенхабиб, принципы демократии не могут быть принесены в жертву "посягательствам" культурных меньшинств. Она делает вывод о том, что "в политическом смысле право на культурное самовыражение должно быть основано на всеобщем признании гражданских прав и его не следует рассматривать как альтернативу им" (Benhabib, 2003, p. 31). Исследовательница предлагает исходить из "презюмции" равенства культур, создающей усло-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

вия для свободной конкуренции культурных традиций при соблюдении прав человека. "Если мы считаем, что права человека повсеместно составляют моральное основание для демократии, но нужно быть готовыми отстаивать их действенность, опираясь на аргументы, которые мы считаем оправданными с общечеловеческих позиций" (Benhabib, 2003, p. 172).

Против тотального регулирования межкультурных взаимодействий одним из первых выступил канадский философ Ч. Тейлор (Taylor, 2004). Он противопоставил "универсализму общих правил" признание первичности индивидуальных представлений о мире и их право на существование. Культура соотносится с идентичностью, индивидуальной или групповой, поэтому мультикультурализм понимается им как "политика идентичности". Философ подчеркивает, что мультикультурализм требует признания всеми равной ценности разных культур, "чтобы мы не просто позволяли им выживать, а признали их достоинство" (Taylor, 2004, p. 63).

Ч. Тейлор формулирует конструктивный принцип преодоления конфронтации культур – тезис о публичном признании идентичности другого как пути действительного утверждения собственной идентичности. Он рассуждает о "срединном пути" между гомогенизирующим требованием признания равной ценности культур с одной стороны и "самозамуровыванием в этноцентрических стандартах" – с другой. "Другие культуры существуют, и мы должны и дальше жить вместе – одновременно как в границах всего мира, так и перемешанные в каждом отдельном обществе" (Taylor, 2004, p. 70). "Презумпция равного достоинства" предполагает, что культуры, которые долгое время создавали "горизонт значимости" для большого количества человеческих сообществ со своими представлениями о благе, святости и прекрасном, заслуживают восхищения и уважения. Моральный аспект этого вопроса заключается в понимании и чувствовании того, что "мы составляем лишь одну отдельную часть в общественном рассказе о человечестве". "Презумпция равного достоинства" требует от нас желаний быть открытыми для сравнительного культурного исследования, которое заменит наши горизонты окончательным их слиянием (Taylor, 2004, p. 70). В более поздних своих работах Ч. Тейлор (Taylor, 2002) пишет о том, что политические идентичности должны создаваться самими людьми, продумываться, обсуждаться и через неизбежные компромиссы подгоняться друг к другу.

Более подробно эту мысль раскрывает британский философ индийского происхождения Б. Парех, представляющий антропологический мультикультурализм. Он рассматривает мультикультурное общество, состоящее "из нескольких хорошо организованных культурных общин, каждая из которых обладает более или менее специфичным пониманием того, что есть благо, и имеет свою особую историю, социальную структуру, традиции, потребности и устремления" (Parekh, 1999, p. 449).

Умением достигать консенсуса человек овладевает только в культуре, в коммуникации с себе подобными. Культура наделяет человека чувством причастности, идентичности и солидарности, является одним из благ жизни как таковой (Parekh, 2000, p. 95). Подчеркивая диалогичность культуры, Б. Парех настаивает на требовании открытости и взаимодействия культур как условия определения их идентичности, не принимая общезначимых морально-политических доктрин или концепций. Диалог поддерживает культурное разнообразие, которое становится необходимым условием для его эффективного продолжения. Там, где насаждается один образ жизни (не важно, в политических или экономических формах), исчезает нравственное творчество и культурные различия (Parekh, 2000, p. 147). Философ рассуждает о динамическом мультикультурализме, означающем, что диалогиче-

ски конституированное общество обладает понятием общего блага, включающем уважение к гражданской власти, правам и справедливости.

В контексте "политики мультикультурализма" возникает проблема универсальных моральных ценностей, "политической морали" Ч. Кукатас, (Dobiaš, 2018), пресекающей насилие и рабство. Смещение проблематики мультикультурализма в сторону межличностной коммуникации и индивидуальной идентичности актуализирует проблему соотношения общезначимых этических правил и норм и индивидуальных нравственных приоритетов. В мультикультурной коммуникации выявляется востребованность этических установок и предписаний, возникших на уникальных культурных "почвах". Они действительны, имеют практическую значимость, поскольку есть люди – носители этих культур. Как общечеловеческий феномен, представленный во множестве индивидуальных формобразований, культура может стать неким "управляющим параметром", задающим направление поиска форм совместного существования.

Украинские исследователи Н. Недюха и В. Жарков отмечают, что мультикультурализм представляет теорию, политику и практику неконфликтного сосуществования. Он утверждает уважение к различиям, но при этом не отказывается от поиска универсальности; предполагает возможность полного инкорпорирования в общество индивидов и групп без ограничений их прав и свобод, потери индивидуально неповторимых характеристик (Nediukha, & Zharkov, 2015, p. 26). Мультикультурализм, поощряющий разнообразие способов жизни и мировоззрений, не противоречит универсальным нравственным ценностям, поскольку отстаивает уважение к индивидуальным культурным формам, а значит, к свободе, равенству и самоопределению. Принцип культурного разнообразия – нравственный в своей основе, призван обеспечить социальную справедливость и гармонию, гражданские права меньшинств в либеральных обществах (Vitikainen, 2015).

Обнаруживается еще одна сложность в исследовании феномена мультикультурализма – многозначность или неопределенность понятия самой культуры. Когда речь идет о коллективных субъектах, культура преимущественно соотносится с традицией в широком смысле – привычным, устоявшимся образом жизни с соответствующим ценностным строем (включающем и этическую составляющую). Выделение в проблеме мультикультурализма индивидуального "среза" предполагает учет экзистенциально-личностного измерения культуры, связи культуры с сущностью и существованием человека, способами его самореализации, поиском самоидентичности. В таком случае становится возможным проследить, как возникает со-творчество человека и культуры, а через культуру – с другими людьми.

Выявляется необходимость междисциплинарных исследований мультикультурализма, объединяющих культурологический, антропологический и этический аспекты. В связи с этим уместно обратить внимание на работу Джеймса Лейдлоу (Laidlaw, 2014), в которой ставится вопрос о наведении мостов между антропологией и этикой, создании моральной антропологии, в которой центральной является тема свободы и личной ответственности. В частности, в ней отмечается, что "мираж релятивизма", довлеющий над антропологией, препятствует глубокому анализу этических проблем (Laidlaw, 2014, p. 23). Нравственные концепции выстраиваются в рамках определенных социокультурных систем, каждая из которых, основываясь на традиции, привычных действиях, отрицает человеческую свободу. В свою очередь, философы, обращаясь к нравственной проблематике, исследуют мотивации, суждения, поступки человека, упуская из виду социальный уровень. Антропология призвана стать этической, а этика – антропологической,

делает вывод Дж. Лейдлоу, только в таком случае свобода будет и объектом и инструментом антропологической мысли (Laidlaw, 2014, p. 92).

Эта идея получила развитие еще в одном исследовании *"Moral engines: Exploring the ethical drives in human life"* (Mattingly, Dyring, Louw, & Wentzer, 2018), соавтором которого стал Дж. Лейдлоу. Авторы подчеркивают необходимость обновления и антропологизации нравственной проблематики, задаваясь вопросом – что на самом деле обязывает нас и руководит нами в стремлении понять нашу жизнь в этических терминах? Они обсуждают побудительные мотивы человеческого нравственного поведения, культивирование сослагательного нарратива в этической проблематике как проявлении "заботы о близком другом", нравственную глубину повседневной жизни и др. Используя метафору "moral engines" – "путеводная звезда", философы и антропологи пытаются осмыслить фундаментальные вопросы нравственного управления человеческой жизнью.

Очень близка идее антропологической этики позиция российского философа В. Межуева, который подчеркивает, что "дружат не народы, а люди, представляющие разные народы, но только в случае обретения ими своей индивидуальной идентичности, выводящей их за пределы своей этнической группы и позволяющей приобщиться к ценностям более высокого порядка" (Mezhuev, 2015, p. 166). Поэтому правильнее говорить не о диалоге культур, а о диалоге людей, представляющих разные культуры, "в котором субъективность одного существует посредством не отрицания, а утверждения субъективности другого" (Mezhuev, 2015, p. 166). Только спрашивая других "Кто я?", человек вступает с ними в человеческие отношения, видя в других свое продолжение и дополнение.

Возникает вопрос, что и как должно измениться в самой нравственности в ситуации мультикультурализма? По замечанию немецкого философа Х. Йонаса, этика прошлого основывалась на нескольких базовых установках:

Положение людей, обусловленное природой самого человека и природой вещей, по своим принципам установлено раз и навсегда; на основании этого не трудно рационального определить человеческое благо; границы человеческих действий и человеческой ответственности четко очерчены. (Jonas, 2001, p. 12)

Подобные установки определили соответствующий характер человеческой деятельности. Понимаемая как "techne", она была ограничена природной необходимостью, а потому не могла нанести существенный вред всем природным объектам. Этические требования распространялись только на отношения человека с человеком и отношение человека к самому себе. Причем деятельность в этой сфере отличалась от деятельности по отношению к природе (techne) тем, что была ограниченной во временном и пространственном отношении. Имеющийся набор нравственных "констант" определял "правильное" поведение в типичных, повседневных ситуациях (Jonas, 2001, p. 17).

Установки традиционной этики отражали представления человека о мире (и обществе) как упорядоченном, статичном, поддающемся рациональному объяснению. Миру как порядку соответствовала так называемая "позитивная мораль". Ее суть российский философ

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

А. Гусейнов определяет так: "Все поступки за исключением тех, на которые а) был наложен моральный запрет и которые поэтому приобрели форму негативного поступка, а также тех, которые б) были совершены вопреки запрету, в его прямое нарушение, – считаются нравственно санкционированными" (Guseynov, 2007, p. 21). В результате, "каждый считает, что он поступает нравственно", поскольку любой поступок может быть описан в моральных терминах (добродетельность совпадает с добротностью) и привязан (в том числе и самим индивидом) к оси нравственных координат. Однако, по мнению А. Гусейнова, "позитивная" мораль не снимает, а усиливает нравственный релятивизм, поскольку конкретные моральные правила и оценки могут противоречить друг другу (Guseynov, 2007, p. 21).

Мультикультурная реальность предъявляет свои требования к традиционным нравственным установкам. Мультикультурный мир – это мир сложный, вариативный, хаотизированный, неустойчивый и динамичный. Он требует, с одной стороны, культурной пластичности, с другой – сохранения идентичности индивидов и социальных групп. Тем самым, нравственные императивы перестают быть абсолютными и универсальными. Им свойственная вариативность внутри конкретных культурных общностей, а тем более за их границами.

Что представляет собой этика сложной и ценностно неоднозначной мультикультурной реальности? А. Гусейнов обосновывает мысль о переходе к так называемой "негативной этике", отталкиваясь от того, что "мораль получает свое адекватное теоретическое выражение в отрицательных определениях, а практическое воплощение в запретах" (Guseynov, 2007, p. 6). Запреты, в свою очередь, выявляют безусловный, категорический характер нравственности, поскольку человек апеллирует к ней "в предельных, ситуациях, когда на карту ставится жизнь", "когда ставит себя на кон", "когда он показывает и доказывает, что есть вещи, через которые он никогда и ни за что не переступит" (Guseynov, 2007, p. 7).

Понятно, что подобные ситуации для человека – скорее исключение, чем правило. Тем не менее, в ценностных установках, которыми он руководствуется в повседневности, нравственность задает направление, вектор его поступков. Человек создает собственный аксиологический образ мира и готов нести за него и за себя ответственность. По мнению философа, соответствие абсолютных моральных требований поступкам – полностью во власти индивида, зависит от его сознательной воли. А "такими являются и в принципе могут быть только моральные запреты и соответствующие им, реализующие их поступки, которые я и называю негативными". "Не все, что мы не делаем, относится к области негативных поступков, а только то, что мы не совершаем, несмотря на то, что нам очень хочется совершить и есть все возможности сделать это" (Guseynov, 2007, p. 21).

Важным, на наш взгляд, является то, что "негативная" этика актуализирует индивидуальный выбор и ответственность человека, который не спекулирует относительным характером нравственных норм, а следует им фактом не совершения аморальных действий. В акте "несвершения" особенно отчетливо выражается нравственное "Я", поскольку в данной ситуации человеку очень трудно обмануть самого себя. Он следует исключительно своим духовным принципам, лишеным соображений выгоды и ситуативной обусловленности. Если нравственно чистые поступки вообще существуют, то это, конечно, негативные поступки (Guseynov, 2007, p. 23). "Негативная" этика, не утрачивая абсолютности и категоричности, дает возможность человеку свободного самоопределения в качестве нравственного существа, самостоятельно и ответственно устанавливающего границы собственной субъективности и свободы. В этом смысле она представляет собой, прежде всего, индивидуальную, личностную этику. Ограничивая себя нравственными запретами, человек не совершает того, что может иметь негативные последствия и для него и для его окружения.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

В условиях культурного разнообразия выявляется универсальная природа негативных поступков. "Вполне можно представить, что люди все вместе чего-то не делают, если они пришли к согласию, что этого делать не надо... мы, люди, обнаруживаем свое нравственное качество не только и не столько в том, что мы делаем, сколько в том, чего не делаем, от чего воздерживаемся" (Guseynov, 2007, p. 23). Подобное "недеяние" значительно расширяет сферу возможного диалога, поскольку в нем высвечивается универсальное человеческое, объединяющее людей.

В связи с этим американский философ М. Эпштейн предлагает различать всеобщее и универсальное в этике. Всеобщее всегда выступает как долженствование. Именно поэтому "первое и последнее слово в кантовском императиве неразрывно связаны: "поступай" стоит в повелительном наклонении, потому что поступать надо так, чтобы максима твоего поведения стала "всеобщим законом" (Epshteyn, 2004, p. 110). Универсальное же заключено в самом человеке, и поэтому оно проявляется не как обязанность, а как возможность. "Можно представить универсальную этику, построенную именно в сослагательном, а не повелительном наклонении, этику возможностей, а не долженствований, – пишет М. Эпштейн. – Если первичная нравственная интуиция состоит в том, чтобы облечь свою необходимость в форму возможности для другого, то смысл этики уже этим определяется как дальнейшее расширение сферы возможного для другого" (Epshteyn, 2004, p. 113).

Нацеленный на предоставление возможностей для другого, человек создает "подлинно содержательные этические отношения", которые перерастают формальную вежливость, поскольку в них сами возможности создаются людьми друг для друга (Epshteyn, 2004, p. 113). Ситуация "создания возможностей" – всегда уникальна, так как в ней вступают в диалог человеческие индивидуальности. Она непредсказуема по своим результатам в том смысле, что в ней проявляются нюансы и тонкости человеческих отношений, сохранение и согласование которых – задача тех, кто общается. Возможности так и могут остаться только возможностями, а могут реализоваться в совершенно уникальных формах человеческого общения, возникших в данной ситуации, но имеющих общечеловеческую значимость.

В. Межуев пишет об общечеловеческом родстве, осознание которого способствует диалогу не только внутри своей культурной группы, но и с представителями других групп. Но сознание причастности человека ко всему человеческому роду возникает только после осознания себя автономной личностью, свободной индивидуальностью (Mezhuev, 2015, p. 167). В осознании общечеловеческого родства берет начало цивилизация диалога, которая предполагает "не ликвидацию разных культур, а свободный доступ к каждой из них со стороны тех, кто того пожелает. Она делает подвижными границы не между культурами, а между людьми, которые получают право свободно перемещаться из одного культурного пространства в другое" (Mezhuev, 2015, p. 168).

Универсальность цивилизации диалога – не в том, что она формирует универсальную этику, а в открытости и толерантном отношении к разным культурам, создании условий для диалога, в процессе которого любая культура может стать "моей культурой", "а граница между тем, что я считаю своей культурой в отличие от чужой, обуславливается исключительно моим личным свободным выбором" (Mezhuev, 2015, p. 168). Не по этой ли причине политика мультикультурализма сталкивается с трудностями, пытаясь выработать всеобщие правила и нормы взаимодействия культур? В мультикультурном мире неконфликтное существование предполагает обнаружение и сохранение универсального человеческого в разнообразии его проявлений. А это, на наш взгляд, предполагает "срединный путь" между всеобщностью моральных требований и нравственным релятивизмом – когда

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

каждый человек в конкретной ситуации осуществляет поиск нравственных нормативов, предоставляя и другому человеку возможность такого поиска.

Этика возможностей коррелирует с современной антропологией, в которой обосновывается идея о том, что человек содержит в себе множество онтологических проектов, ни один из которых не раскрывает человека полностью. Украинский философ В. Табачковский выделил полисущностность как онтологическую характеристику человека, которая задает множество способов и направлений его самореализации, определяет фундаментальную потребность в поиске этически наполненного существования (Tabachkovskiy, 2005). В определении российского философа С. Смирнова, человек сам для себя всегда – проект, возможность, "навигатор", Навигация начинается тогда, когда поиск не может закончиться получением готового места и готового искомого предмета-ориентира.

Человек не может получить опоры, не может сориентироваться, не узнаёт, не слышит, не видит, не чувствует... Прежде всего потому, что во внешнем мире он не находит опор. Он нуждается в ином – в поиске себя. Но его как внешнего ориентира нет и быть не может. Он вынужден ещё только прийти к нему, точнее, создать.

(Smirnov, 2017, p. 189)

Прокладывание собственного пути невозможно без нравственных ориентиров, удерживающих человека в пространстве культуры.

Ситуацию мультикультурализма, в которой находятся современные сообщества, можно сравнить с коллективным поиском или навигацией, в которой имеет значение нравственный выбор и самоопределение каждого человека. Понимание этики как "этики возможностей" придает явлению мультикультурализма позитивный смысл, хотя и не лишает его противоречий. Мультикультурализм предстает социокультурным явлением, связанным с индивидуальной сущностью культуры, но которая проявляется в коллективных формах. Сам диалог (точнее, полилог) культур продуцирует особый феномен самоорганизации человеческих сообществ, каким становится "этика возможностей". Можно говорить о своеобразном переключении "режима" функционирования культуры в ситуации мультикультурной коммуникации: требование соблюдения универсальных нравственных норм сменяется предоставлением человеку возможности не совершать безнравственных поступков самому и тем самым побуждать к нравственному поведению других.

"Этика возможностей" переключается с этическими установками восточных культур, создавая ситуацию для диалога Запада и Востока. Нравственные требования даосизма ("у вей"), буддизма ("ахимса") и др. выражают "благоговение перед жизнью", благодарность миру. Восточная философия – это философия пути ("дао", "срединный путь" в буддизме), придерживаясь которого человек устраняет себя как источник конфликтов с миром, не утрачивая при этом возможности стать человеком. Практики мультикультурализма востребуют эти принципы взаимодействия человека с миром. Наши ненасильственные

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

действия и поступки предполагают такие же ответные действия через пробуждение в другом человеке нравственного, общечеловеческого. Обоснование этой идеи находим у Ю. Хабермаса в концепции "коммуникативной рациональности", раскрывающей условия социального сотрудничества. Открытость, готовность слушать собственные и чужие доводы, разумное обсуждение и дискуссия дают возможность добросовестного обмена мыслями. Каждый из участников отдает себе отчет в том, как каждый из них понимает собственные жизненные интересы, как принимается то или иное решение и как в нем выражается определенное обобщенное суждение (Habermas, 2001, p. 171). Оно становится значимым и важным для участников дискуссии "за счет уравнивания интересов и достижения компромисса, за счет целенаправленного выбора способов, морального обоснования и проверки на юридическую связь" (Habermas, 2001, p. 391).

Таким образом, одним из уроков мультикультурализма может стать практика толерантности как процесса-поиска неконфликтного сосуществования. Развитие культуры сопровождается, с одной стороны, расширением пространства человеческой свободы и нравственной автономии, с другой – все большей вовлеченностью человека в межкультурные связи и отношения. Оба аспекта развития культуры связаны, дополняют и определяют друг друга. Готовность человека к встрече не просто с другим, а чужим и отторгаемым становится такой же его экзистенциальной характеристикой, как и готовность принятия другого и чужого. Игнорирование ее замыкает человека в эгоистическом существовании, признаваемом единственно правильным и принимающем только то, что в большей или меньшей степени с ним совпадает или перекликается. В таком случае обнаружение и, главное, контакт, с чужим и изначально неприемлемым оборачивается культурным шоком и травмой, прежде всего, вследствие неожиданности, а потому и неожиданности. Толерантность как практика призвана объединить альтернативные нравственные стратегии.

Научная новизна

Выделение индивидуального уровня межкультурной коммуникации позволило раскрыть мультикультурализм как ситуацию нравственного поиска. Ее специфика заключается в переходе к "негативной этике" и востребованности "этики возможностей" как основы диалога разных культур. "Этика возможностей" предполагает свободное самоопределение человека в мультикультурном мире, не продуцирующее конфликты. Тем самым, мультикультурализм становится ситуацией "научения" людей толерантному существованию.

Выводы

С одной стороны мультикультурализм предоставляет благоприятную среду для противостояния и конфликтов, с другой – содержит возможность их преодоления и предупреждения. Мультикультурный мир становится для человека ситуацией нравственного вызова, проверкой того, насколько важно сохранение человечности как таковой, нравственности как экзистенциальной ценности человеческого существования. Истоки неконфликтного существования в условиях мультикультурализма связаны с межвидной коммуникацией, которая создает ситуацию нравственного поиска. Современный человек сделал очень важный шаг, признав социальную реальность мультикультурной, и вместе с этим признанием придав онтологический статус несовместимым со своим жизненным миром другим жизненным мирам. Следующий шаг – научиться жить и вопреки, и вместе с другим и несовместимым; выработать новые социокультурные практи-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

ки, снимаючіе конфліктність. Преодолення розрива между нравственными імперативами и ситуативними вимогами видється в "етике возможностей", дающей право каждому осуществлять свой выбор в защиту человеческого.

REFERENCES

- Benhabib, S. (2003). *Prityazaniya kultury. Ravenstvo i raznoobrazie v globalnuyu eru*. V. L. Inozemtsev (Ed.), Trans. from Engl. Moscow: Logos. (in Russian)
- Bernstein, R. (1994). *Dictatorship of virtue: Multiculturalism and the battle for America's future*. New York: Alfred A. Knopf. (in English)
- Dobiaš, D. (2018). The idea of liberalism in the pragmatic perspective of searching freedom and a better world. *Political Science*, 21(3), 32-54. doi: 10.24040/politickevedy.2018.21.3.32-54 (in Slovak)
- Epshteyn, M. (2004). *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian)
- Guseynov, A. A. (2007). Negativnaya etika. *Izbrannye lektsii universiteta*. Retrieved from https://guseinov.ru/publ/Negat_eth.html (in Russian)
- Habermas, J. (2001). *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. D. A. Sklyadneev (Ed.), Y. S. Medvedev, Trans. from German. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)
- Jonas, H. (2001). *Pryntsyp vidpovidalnosti. U poshukakh etyky dlia tekhnolohichnoi tsyvilizatsii*. A. Yermolenko, & V. Yermolenko, Trans. from German. Kyev: Libra. (in Ukrainian)
- Laidlaw, J. (2014). *The subject of virtue: An anthropology of ethics and freedom*. Cambridge: Cambridge University Press. (in English)
- Maclure, J. (2015). Multiculturalism on the back seat? Culture, religion, and justice. *The Ethics Forum*, 10(2), 141-146. doi: 10.7202/1035333ar (in English)
- Mattingly, C., Dyring, R., Louw, M., & Wentzer, T. (Eds.). (2018). *Moral engines: Exploring the ethical drives in human life* (Vol. 5). New York: Berghahn Books. (in English)
- Mezhuev, V. (2015). Dialog kak sposob mezhkulturnogo obshcheniya v sovremennom mire. In A. S. Zapesotskiy (Ed.), *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. Globalizatsiya i dialog kultur. Izbrannye doklady (1995–2015)* (pp. 161-171). St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (in Russian)
- Nediukha, M. P., & Zharkov, V. O. (2015). Mulykulturalizm yak poniattia suchasnoi sotsiohumanitarnoi nauky. In A. M. Podoliaka (Ed.), *Mulykulturalizm yak sotsialno-pravove yavysheche: vyklyky hlobalizovanoho svitu* (pp. 4-8). Kyiv: Art-tekhnohiiia. (in Ukrainian)
- Parekh, B. (1999). Common citizenship in multicultural societies. *The Round Table*, 88(351), 449-460. doi: 10.1080/003585399107983 (in English)
- Parekh, B. (2000). *Rethinking multiculturalism: Cultural diversity and political theory*. Cambridge: Harvard University Press. (in English)
- Parekh, B. (2002). Barry and the Dangers of Liberalism. In P. Kelly (Ed.), *Multiculturalism Reconsidered: "Culture and equality" and its critics* (pp. 133-150). Cambridge: Polity Press; Hoboken: Wiley-Blackwell. (in English)
- Smirnov, S. A. (2017). Anthropological navigation. Introduction in concept. *Chelovek.RU*, 12, 159-195. (in Russian)
- Tabachkovskyi, V. H. (2005). Polisutnisne homo: Filozofsko-mystetska dumka v poshukakh "neevklidovoi reflektivnosti". Kyiv: Parapan. (in Ukrainian)
- Taylor, C. (2002). Demokraticheskoe isklyuchenie (i "lekarstvo" ot nego?). In V. S. Malakhov, & V. A. Tiskov, (Eds.), *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetstikh obshchestv* (pp. 11-37). Moscow: IEiA, IPhRAS. (in Russian)
- Taylor, C. (2004). *Multikulturalizm i "Polityka vyznannia"*. Trans. from Engl. Kyiv: Alterpres. (in Ukrainian)
- Tlostanova, M. V. (2003). Era Agasfera, ili Kak sdelat chitateley menee schastlivymi. *Inostrannaya literatura*, 1, 238-251. (in Russian)
- Vitikainen, A. (2015). *The limits of liberal multiculturalism. Towards an individuated approach to cultural diversity*. London: Palgrave Macmillan. (in English)
- Vysotska, N. O. (2009). Kontseptsiiia mulykulturalizmu i pytannia estetyky. *Pytannia literaturoznavstva*, 77, 110-121. (in Ukrainian)

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; [пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева]. – Москва : Логос, 2003. – 350 с.
- Bernstein, R. Dictatorship of Virtue: Multiculturalism and the Battle for America's Future / R. Bernstein. – New York : Alfred A. Knopf, 1994. – 379 p.
- Dobiaš, D. Idea liberalizmu v pragmatickej perspektíve hľadania slobody a lepšieho sveta / D. Dobiaš // Politické vedy. – 2018. – Vol. 21, No. 3. – P. 32–54. doi: 10.24040/politickévedy.2018.21.3.32-54
- Эпштейн, М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
- Гусейнов, А. А. Негативная этика [Электронный ресурс] / А. А. Гусейнов // Избранные лекции Университета. – 2007. – Вып. 63. – 25 с. – Режим доступа: https://guseinov.ru/publ/Negat_eth.html – Название с экрана. – Дата обращения: 30.10.2018.
- Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; [пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. А. Складнева]. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 417 с.
- Йонас, Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації / Г. Йонас ; пер. з нім. А. Єрмоленко, В. Єрмоленко. – Київ : Лібра, 2001. – 400 с.
- Laidlaw, J. The Subject of Virtue: An Anthropology of Ethics and Freedom / J. Laidlaw. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 258 p.
- Maclure, J. Multiculturalism on the Back Seat? Culture, Religion, and Justice / J. Maclure // Les ateliers de l'éthique. – Vol. 10, No 2. – 2015. – P. 141–146. doi: 10.7202/1035333ar
- Moral Engines: Exploring the Ethical Drives in Human Life / Eds. by Ch. Mattingly, R. Dyring, M. Louw, T. S. Wentzer. – New York : Berghahn Books, 2018. – Vol. 5 : WYSE series in social anthropology. – 266 p.
- Межуев, В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире / В. М. Межуев // Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015) / Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2015. – С. 161–171.
- Недюха, М. П. Мультикультуралізм як поняття сучасної соціогуманітарної науки / М. П. Недюха, В. О. Жарков // Мультикультуралізм як соціально-правове явище: виклики глобалізованого світу / за ред. А. М. Подоляки. – Київ : Арт-технологія, 2015. – С. 4–28.
- Parekh, B. Common Citizenship in Multicultural Societies / B. Parekh // The Round Table. – 1999. – Vol. 88, Iss. 351. – P. 449–460. doi: 10.1080/003585399107983
- Parekh, B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory / B. Parekh. – Cambridge : Harvard University Press, 2000. – 379 p.
- Parekh, B. Barry and the Dangers of Liberalism / B. Parekh // Multiculturalism Reconsidered : "Culture and Equality" and its Critics / Ed. by P. Kelly. – Cambridge : Polity Press ; Hoboken : Wiley-Blackwell, 2002. – P. 133–150.
- Смирнов, С. А. Антропологическая навигация. Введение в концепт / С. А. Смирнов // Человек.RU. – 2017. – No 12. – С. 159–195.
- Табачковський, В. Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках "неевклідової рефлексивності" / В. Г. Табачковський. – Київ : Парапан, 2005. – 432 с.
- Тейлор, Ч. Демократическое исключение (и "лекарство" от него?) / Ч. Тейлор // Мультикультуралізм и трансформація постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – Москва, 2002. – С. 11–37.
- Тейлор, Ч. Мультикультуралізм і "Політика визнання" / Ч. Тейлор ; [пер. з англ.]. – Київ : Альтерпрес, 2004. – 172 с.
- Тлостанова, М. В. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми / М. В. Тлостанова // Иностранная литература. – 2003. – No 1. – С. 238–251.
- Vitikainen, A. The Limits of Liberal Multiculturalism. Towards an Individuated Approach to Cultural Diversity / A. Vitikainen. – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 234 p.
- Висоцька, Н. О. Концепція мультикультуралізму і питання естетики / Н. О. Висоцька // Питання літературознавства. – 2009. – Вип. 77. – С. 110–121.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

І. А. ДОННІКОВА^{1*}^{1*}Національний університет "Одеська морська академія" (Одеса, Україна), ел. пошта donnikova_iran@ukr.net, ORCID 0000-0002-8504-1578**МОРАЛЬНИЙ ПОШУК В МУЛЬТИКУЛЬТУРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ**

Мета роботи – виявлення та обґрунтування моральних пріоритетів у мультикультурній комунікації. **Теоретичний базис** складають роботи зарубіжних і українських авторів, котрі розкривають основні підходи до проблеми мультикультуралізму; дослідження з етики та філософської антропології, що визначають проблемне поле антропології моралі. У роботі використовуються: концептуальні положення феноменології – для розкриття смислової невизначеності людського буття як передумови морального пошуку; екзистенціальної філософії – для обґрунтування сутнісного зв'язку людини і культури. **Наукова новизна** отриманих результатів полягає: 1) в осмисленні мультикультуралізму як "діалогу людей" (В. Межуєв), в якому актуалізується моральний пошук кожної людини; в обґрунтуванні затребуваності в міжіндивідуальній комунікації "негативної" етики (А. Гусейнов): її вимога не здійснювати аморальних вчинків стимулює людину до морального пошуку, виявляє специфіку існування "людини-навігатора" (С. Смирнов); 3) у визначенні міжкультурної комунікації як створення можливостей для пошуку толерантних (неконфліктних) форм існування. **Висновки:** 1) мультикультуралізм є суперечливим явищем, яке й продукує конфлікти та створює передумови для їх подолання; 2) можливості неконфліктного існування в ситуації мультикультуралізму виникають у міжіндивідуальній комунікації, яка є ситуацією морального пошуку кожної людини; 3) "етика можливостей" об'єднує універсальні та ситуативні моральні норми в мультикультурній комунікації: люди дають можливість одне одному залишатися людьми; 4) "етика можливостей" створює умови для толерантної (неконфліктної) взаємодії людей і культур.

Ключові слова: мультикультуралізм; моральність; діалог; моральний пошук; "негативна етика"; "етика можливостей"; толерантність

І. А. DONNIKOVA^{1*}^{1*}National University "Odessa Maritime Academy" (Odessa, Ukraine), e-mail donnikova_iran@ukr.net, ORCID 0000-0002-8504-1578**MORAL SEARCH IN MULTICULTURAL COMMUNICATION**

Purpose of the work is to identify and justify the moral priorities in multicultural communication. **Theoretical basis** is the works of foreign and Ukrainian authors, revealing the main approaches to the problem of multiculturalism; studies on ethics and philosophical anthropology that define the problem field in the anthropology of morality. The work uses: the conceptual provisions of phenomenology – for the disclosure of the semantic uncertainty of human existence as a prerequisite of moral search; existential philosophy – to substantiate the essential relationship of a man and culture. **Originality** of the results obtained consists of 1) understanding multiculturalism as a "dialogue of people" (V. Mezhev), in which the moral search of every person is actualized; 2) in justifying the demand for inter-individual communication of "negative" ethics (A. Guseynov): its requirement not to commit immoral acts stimulates a person to moral search, reveals the specifics of the existence of a "person navigator" (S. Smirnov); 3) in the definition of intercultural communication as the creation of opportunities for the search for tolerant (non-conflict) forms of existence. **Conclusions:** 1) multiculturalism is a contradictory phenomenon, producing conflicts and creating prerequisites for overcoming them; 2) the possibilities of non-conflict existence in a situation of multiculturalism arise in inter-individual communication, which is a situation of moral search for every person; 3) "ethics of opportunities" unites universal and situational moral norms in multicultural communication: people enable each other to remain people; 4) "ethics of opportunities" creates conditions for tolerant (non-conflict) interaction between people and cultures.

Keywords: multiculturalism; morality; dialogue; moral search; "negative ethics"; "ethics of opportunities"; tolerance

Поступила в редколлегию: 20.03.2018

Принята к печати: 19.11.2018